

абхазов, для которой характерно распространение современной научной медицины, использующей в известной мере народные лечебные средства, но в целом неукоснительно вытесняющей их.

Впрочем, автор и сам хорошо сознает слабые стороны заключающего книгу очерка современной культуры и быта абхазов. Отмечая недостаточную разработанность данной темы, он подчеркивает, что «в этих условиях, разумеется, трудно было показать более широко и на достаточно высоком научном уровне многогранную производственную и культурно-бытовую жизнь советских людей, активных строителей коммунистического общества в нашей стране» (стр. 431).

В целом же рецензируемый труд Ш. Д. Инал-ипа, являющийся первой солидной историко-этнографической монографией об абхазах, заслуживает самой положительной оценки. Он свидетельствует о том, что Абхазский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории провел большую работу в области изучения традиционной культуры и быта абхазского народа и вплотную приступил к решению сложных задач этнографического исследования современности.

Я. Смирнова

*Труды южно-туркменистанской археологической
комплексной экспедиции, т. IX. Ашхабад, 1959, стр. 347*

Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) в течение ряда лет работает над разрешением проблем этногенеза и истории культуры туркменского народа. Ею изучаются памятники материальной культуры прошлого на территории Туркмении, проводятся обширные археологические, антропологические, а также этнографические исследования. Часть материалов, накопленных в процессе работы экспедиции, помещена в рецензируемом томе. Открывается он большой статьей известного среднеазиатского антрополога Л. В. Ошанина — «Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа»; затем следуют статьи В. В. Гинзбурга «Материалы к антропологии населения Южной Туркмении в эпоху бронзы», В. Я. Зезенковой «Краниологические материалы с территории древнего и средневекового Мерва» и М. Е. Массона «Обнаружение человеческих волос двухтысячелетней древности в крепости древнего Мерва».

Далее идут этнографические и археологические работы Д. М. Овезова, В. А. Левиной и Г. А. Пугаченковой.

Следует отметить целенаправленность тома: помещенные в нем работы посвящены этногенезу туркменского народа.

Не вдаваясь в детальный разбор помещенных в томе антропологических статей, скажем лишь общие соображения относительно выводов, сделанных их авторами, поскольку речь в них идет об этногенезе туркменского народа.

Работа Л. В. Ошанина как бы подводит итог его многолетним исследованиям в области этногенеза туркмен, исследованиям, в которых богатый фактический материал удачно сочетается с палеоантропологическими и умело используемыми сведениями исторических источников. Вывод, к которому приходит автор, полностью подтверждает интересную гипотезу, выдвинутую им более 30 лет назад в статьях «Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения»¹ и «Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен»². Вывод этот сводится к тому, что основу туркменского народа составляют не пришлые тюрко-монгольские племена, а местное, автохтонное ираноязычное население (стр. 59). Эта точка зрения, которую разделяют другие известные советские антропологи — Г. Ф. Дебец, В. В. Гинзбург, Я. Я. Рогинский, несомненно, правильна; она подтверждается и этнографическими материалами.

Статьи В. В. Гинзбурга и В. Я. Зезенковой подкрепляют вывод Л. В. Ошанина и вместе с тем позволяют установить связь местного населения с населением более северных областей уже в очень давние времена, начиная с эпохи бронзы (стр. 105—106), а с V в. н. э. устанавливают появление в его среде монголоидных примесей (стр. 124).

Таким образом, антропологические статьи рецензируемой книги убедительно свидетельствуют о значительной роли населения древней Парфии в этногенезе туркмен и о наличии прямой преемственности между современным населением Южного Туркменистана и его древними обитателями.

¹ «Изв. Средазкомстариса», вып. I, Ташкент, 1926.

² То же издание, вып. III, Ташкент, 1928.

Особенно наглядной становится эта преемственность при рассмотрении самой большой из содержащихся в рецензируемом томе работ — монографии Д. М. Овезова «Туркмены-мурчали» (отметим, кстати, что в оглавлении эта работа называется «Племя мурчали»). В этой работе, представленной автором в качестве кандидатской диссертации на Ученый совет Среднеазиатского гос. университета и успешно защищенной, поднят большой этнографический материал, использованы данные археологических раскопок ЮТАКЭ на старой крепости в с. Мурча; в работу включен антропологический очерк мурчали, написанный В. Я. Зезенковой.

Монография Д. Я. Овезова посвящена вопросам этногенеза, истории и культуры мурчали — небольшой, но весьма своеобразной в прошлом группы туркмен, обитающей в нескольких селениях у северных предгорий Копет-Дага. «Чистые» туркменские племена (теке, салоры, иомуды и др.), ведущие свое происхождение от легендарного Огузхана, не признавали мурчали (как, впрочем, и многие другие мелкие племена прикопет-дагской полосы — нохурли, анаули, мехинли и т. д.) за настоящих туркмен.

Между тем мурчали — одно из древнейших оседло-земледельческих туркменских племен. По происхождению это племя справедливо рассматривается автором рецензируемой работы как один из реликтов автохтонного оседлого населения Южного Туркменистана, всеми корнями связанного с культурой и прошлым Туркменской ССР, «являющейся для мурчали их подлинной родиной» (стр. 137).

Очень интересен ряд совершенно новых материалов, приведенных в работе, среди них сведения об обычаях выделения в счет калыма земли и воды, не встречающиеся ни у одного из туркменских племен и свидетельствующем о роли земледелия в жизни мурчали; о бытовании также пока не отмеченного у большинства других групп туркмен ритуального кушанья «семени», аналогичного таджикскому «семену» и таджикско-узбекскому «сумалак». О большой роли и древности земледелия у мурчали говорит, в частности, наличие у них родовой группы «кяризген» — строителей кяризов — водосборных подземных галерей, игравших значительную роль в орошении подгорной полосы. Характеристика сельского хозяйства, а также ремесел и материальной культуры дана в работе с исчерпывающей полнотой. Характер жилища, материал и способы постройки жилых и хозяйственных помещений не оставляют сомнения в существовании давних и устойчивых традиционных традиций, отмеченных также другими исследователями (В. А. Левиной, Г. А. Пугаченковой, Г. П. Васильевой) у соседних или родственные мурчали туркменских групп; в описании одежды мурчали примечателен отмеченный автором факт сохранения почти до наших дней традиционного для мужской одежды красного цвета, что соседними группами туркмен почиталось за характерную особенность мурчали и высмеивалось. На эту особенность, как известно, указывали древние авторы при описании одежды парфян.

Приведенные в работе материалы по водопользованию, свадьбе, семейным и религиозным обрядам свежи и интересны. Анализ материальной и духовной культуры мурчали обнаруживает большое сходство с культурой окружающего их крупного туркменского племени — текинцев. Автор приходит к выводу, что в настоящее время процесс слияния мурчали с текинцами закончился; сами мурчали считают себя частью туркменского народа.

Социалистическим преобразованиям, происходящим на всей территории нашей Родины, включая аулы, населенные этой группой туркмен, не отведено особого места в работе Д. М. Овезова, но, как справедливо замечает автор, эта тема требует специального исследования.

Однако не все в работе представляется достаточно убедительным. Основной недостаток работы, с нашей точки зрения, заключается в том, что многие из затронутых интересных и важных вопросов не подверглись достаточной разработке; автор в ряде случаев ограничивается сравнением с соседней родственной мурчали группой — нохурли. Д. М. Овезов не разобрался до конца в имевшихся в его распоряжении материалах о происхождении и времени возникновения отдельных родовых групп мурчали, поэтому выводы об этапах этногенеза племени, помещенные в заключение (стр. 275), не убедительны и противоречат материалу, приведенному в начале работы.

Подтвердим это примерами. В разделе «Некоторые данные о происхождении племени мурчали» автор приводит легенды о времени сложения отдельных родовых групп, и среди них о двух наиболее древних, по мнению информаторов, группах эрвап и афшар (овшар) (стр. 139). Следовало бы более критически подойти к этим сведениям информаторов. Группы эрвап и афшар не могли образоваться одновременно, так как ядро мурчалинцев, несомненно, составили древние ираноязычные аборигены предгорной полосы, а группа афшар могла войти в состав племени не ранее IX—X вв., если не позднее, когда огузы (как известно, афшар — одно из 22 огузских племен) появились на территории Южного Туркменистана.

Вместе с тем Д. М. Овезов в этом разделе не уделил внимания таким, несомненно аборигенным группам, как боягчи (красильщики), копек (кяризген) и похлы. Следует отметить, что при разборе родового состава мурчали автор допускает противоречия. На стр. 139 он совершенно справедливо называет афшар и юзбаши двумя основными отделами племени, в каждый из которых входят соответственно четыре или пять первичных родовых ячеек. В схеме внутривнутриплеменного деления в числе первичных родовых звеньев афшар и юзбаши не указаны. Однако на стр. 139, 141, 147 и т. д. Д. М. Овезов называет афшар и юзбаши в числе мелких родов, внося путаницу в четкую схему родо-

вого деления. На стр. 139—141, 275 юзбаши правильно причисляются к наиболее позднему родовым образованиям, а на стр. 247 названы среди «наиболее древних родов» племена.

Совершенно, с нашей точки зрения, произвольно сделаны выводы об этапах формирования племени (стр. 275). Эрвап и афшар названы «старейшими родовыми группами»³, а образование групп похлы, колек, боягчи, кяризген и гечи отнесено ко второму этапу — «периода классового расслоения общины».

Нельзя не согласиться с высказыванием автора о том, что названия родов отражают презрительное отношение привилегированных слоев общества к ремесленникам и бедноте и свидетельствуют о расслоении общины. Неясно, однако, к какому времени относит Д. М. Овезов начало классового расслоения; причисление афшар к наиболее древним группам заставляет думать, что, по его мнению, процесс классовой дифференциации начался у мурчали позднее, чем об этом свидетельствуют исторические факты.

Позволим себе, исходя из анализа родовых названий и легенд мурчали о времени происхождения отдельных родов, привлекая исторические данные, высказать свои соображения об этапах и времени формирования племени.

Совершенно несомненно, что ядро племени мурчали составляли местные земледельцы и ремесленники. Это прекрасно иллюстрируется всем приведенным в работе Д. М. Овезова этнографическим материалом, об этом же свидетельствуют и сохранившиеся до нашего времени в памяти информаторов названия некоторых родовых групп мурчали (кяризген, боягчи и др.).

Несомненным представляется и то, что к приходу огузов на территорию Южного Туркменистана древнее ираноязычное население, было классово дифференцированным, так как в это время здесь уже существовали феодальные отношения. Подтверждением того, что предки мурчали не были исключены из общего хода исторического процесса, служат такие родовые названия, как «эрвап» — господин, «похлы» — грязный, нечистоплотный; эти названия, как отмечает Д. М. Овезов, отражали презрительное отношение знати к простому народу — земледельцам. Аналогичную картину мы видим у соседних и родственные мурчали туркмен-нохурли, у которых в названиях родовых групп потомков аборигенов долины также отражается классовое расслоение (ср. эрвап — господин, мелик — князь, денджик — протак и т. д.)⁴.

С приходом тюрков-огузов на территорию Южного Туркменистана началась их постепенная ассимиляция местным населением при сохранении ими господствующего положения. Появление большой массы тюркских племен, сохранявших родовую организацию, вероятно вызвало некоторый социальный регресс, что привело, как полагает А. А. Росляков, к восстановлению родоплеменной организации среди аборигенного населения⁵. Прежние классовые группы мурчинской общины образовали отдельные роды. Если согласиться с соображением А. А. Рослякова, станет понятным, почему роды эрвап, колек (кяризген), боягчи (бегмамед), похлы и чакан оказались объединенными в одну группу афшар — это означало их подчинение победителям-огузам из племени афшар, которые и дали им свое название. Возможно, что огузская прослойка среди местного населения продолжала в это время оставаться незначительной.

Таким образом, первый этап формирования племени мурчали закончился к X—XI вв.; вторая группа мурчали, объединенная в отдел юзбаши, образовалась, видимо, значительно позднее. Во всяком случае утверждение Д. М. Овезова об образовании отдела юзбаши в XVIII в. не кажется нам неправильным (хотя он ничем своего утверждения не обосновывает), если считать, что в состав этого отдела вошли группы, связанные своим происхождением с аналогичной группой племени али-эли, ушедшего из Ахала под давлением текинцев примерно в это же время. Возможно, однако, что отдельные роды отдела юзбаши, например гечилер, как говорит и сам автор, образовались в более раннее время.

Искусственно и не убедительно выглядит в рецензируемой работе типология мурчинских селений (стр. 190—191). Непонятно, чем же различаются селения первого и второго типов, если и те и другие делятся на кварталы и заселены несколькими родами.

Нельзя согласиться с Д. М. Овезовым и в том, что дореволюционные авторы считали мурчали «пришлыми туркменами» (стр. 135). Такой точки зрения скорее придерживались в отношении «чистых» туркменских племен, которых безоговорочно огождествляли с огузами, а мурчали и родственные им племена нохурли, анаули и др. эти авторы считали дотуркменским населением оазисов.

³ Справедливость требует отметить, что на стр. 282 Д. М. Овезов дает примечание (173), видимо, относящееся к одной из последних страниц работы, в котором говорится: «вероятно, отнесение племени афшар к древнему возникло в представлении народа позже, в связи с приходом в край текинцев с целью доказать свою принадлежность к туркменам, т. е. огузам», однако эта мысль не нашла отражения в работе.

⁴ См.: Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, «Среднеазиатский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXI, М., 1954, стр. 100, прим. 5.

⁵ См.: А. А. Росляков, К вопросу об этногенезе туркмен, «Изв. Туркменского филиала АН СССР», 1950, № 5, стр. 17.

Кстати, Д. М. Овезов на стр. 136 совершенно правильно цитирует некоторых из этих авторов.

Несмотря на отмеченные недостатки, монография Д. М. Овезова, несомненно, принадлежит к числу наиболее интересных работ, помещенных в рецензируемом томе. Она значительно пополняет наши сведения о туркменах и дает новый материал к их этногенезу.

Актуальные вопросы подняты в статье В. А. Левиной «К вопросу о генезисе и типах поздних поселений Южной Туркмении», написанной по материалам археологических исследований поздних туркменских поселений прикопетдагской полосы, района Байрам-Али и приамударьинских оазисов.

Археологическое изучение туркменских поселений XVIII—XIX вв. начато сравнительно недавно⁶. Это комплексное изучение, проводимое с привлечением этнографических материалов и данных письменных источников, дает возможность не только получить интересные сведения об архитектуре исследуемой группы памятников и материальной культуре населения, но и вводит в научный оборот важные материалы для характеристики социально-экономических отношений указанного времени.

Изучение поселений XVIII—XIX вв. в Южной Туркмении и покинутых туркменских поселений в Хорезмском оазисе позволило опровергнуть существовавшее до этого в литературе представление об отсутствии у туркмен оседлых поселений и своей архитектуры. Статья В. А. Левиной — логическое продолжение и развитие положений, изложенных в т. III Трудов ЮТАКЭ⁷.

На основании данных, публикуемых В. А. Левиной, можно считать доказанным наличие у туркмен самобытной городской архитектуры.

Характеристике отдельных поселений предшествует (что чрезвычайно важно для правильного освещения фактов) очерк социально-экономических отношений у туркмен в XVIII—XIX вв.

Детально исследуя археологический материал прикопетдагских районов, автор выделяет здесь по характеру планировки и роли в социально-экономической жизни туркмен три типа поселений:

а) сельские поселения; типичным примером таковых служило текинское селение Багир, расположенное в 18 км к северо-западу от Ашхабада;

б) полугородское, ремесленное поселение — Анау, в XVIII—XIX вв. находившееся значительно выше по течению ручья Кельтечинар, нежели древние бугры и более раннее, средневековое поселение;

в) поселение городского типа — город Пештак, образованный на месте средневекового Абиверда и населенный с XVII в. туркменами али-эли.

Находки остатков ремесленного производства — керамики, железных криц, заготовок и поделок из меди и бронзы на поселениях двух последних типов позволяют говорить о хорошо развитом ремесленном производстве, а планировка этих селений с ярко выраженными ремесленными кварталами и базарами, служившими для экономической связи оазисов и кочевой степи, свидетельствует о далеко зашедшем процессе классовой дифференциации населения. Жилище привилегированной части населения, по свидетельству В. А. Левиной, выделяется размерами и отделькой интерьеров.

Значительные ремесленные центры существовали также в Мервском оазисе.

Таковы же примерно результаты исследования покинутых туркменских поселений в Хорезме. К северу от Куна-Ургенча на границе с пустыней обнаружен значительный ремесленный и торговый центр XIX в., известный населению под именем Кызылча-кала, в котором туркмены-скотоводы обменивали продукты своего хозяйства на ремесленные изделия и сельскохозяйственные продукты⁸.

Открытие развитых городских поселений у туркмен, причислявшихся отдельными исследователями к наиболее отсталым в социально-экономическом отношении народам Средней Азии и стоявших, по мнению этих исследователей, в XIX в. лишь на стадии разложения первобытно-общинного строя, является, на наш взгляд, одной из наиболее важных заслуг ЮТАКЭ за последние годы.

Другое важное положение статьи В. А. Левиной — вывод о том, что города Анау и Абиверд были не только населены туркменами, но и созданы ими, полностью опровергает долго жившую гипотезу об иранском происхождении этих центров.

В дореволюционной литературе господствовало представление о том, что в городах Южной Туркмении до конца XVIII в. (до прихода текинцев) жили иранцы; дотекинское сельское население оазисов, как уже говорилось выше, «настоящими» туркменами не признавалось. Эта неправильная точка зрения существовала не только из-за недостаточной разработки истории Туркмении; виной этому был также эклектический подход к вопросам этногенеза. Многие исследователи, не учитывая того, что народ складывает-

⁶ В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, Архитектура туркменского народного жилища, Труды ЮТАКЭ, т. III, М., 1953; Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева, Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в., «Изв. АН ТССР», 1957, № 2; Б. И. Вайнберг, К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме, «Сов. этнография», 1959, № 5.

⁷ В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, Указ. раб.

⁸ Б. И. Вайнберг, Указ. раб.

ся в течение ряда веков из самых различных, подчас разнородных компонентов, ставили знак равенства между огузами и современными туркменами, что мешало им признать этногенетическую связь туркмен с населением древней Парфии и считать их прямыми потомками древней парфянской культуры западной части Средней Азии.

Трудно согласиться с автором статьи в объяснении причин создания открытых (неукрепленных) поселений и поселений-крепостей (стр. 336). В. А. Левина считает, что поселение-крепость соответствует «ранней» общине, а открытые аулы отражают разложение общины и «подвинутое» (?) социальное расслоение. Нам кажется, что тип поселений у туркмен в XIX в. зависел не только от развития социальных отношений, которые в Ахале и Мервском оазисе стояли примерно на одном уровне (хотя степень разложения общины, конечно, влияла на характер поселений), но главным образом от внешнеполитических условий, от близости поселений к границам туркменской территории. Именно положение на границе с Ираном заставляло текинцев Ахала сохранять свои крепости до конца XIX в.

Позволим себе не согласиться и с объяснением В. А. Левиной туркменского термина «кайтарма». «Кайтарма» — обычай возвращения молодой женщины в дом отца на определенное время — генетически связан с эпохой перехода от матриархата к патриархату. Этот обычай встречается и у других народов. Уже в классовом обществе, в эпоху разложения туркменской родовой общины, «кайтарма» стала осмысливаться как период, в течение которого молодой муж должен окончательно выплатить калым родственникам своей жены.

Таким образом, обычай «кайтарма» (название которого неверно переведено В. А. Левиной как «кража невесты»), так же как и «каршалык» (обмен невестами между двумя семьями), рассматриваемый исследователями как пережиток дуальной организации, вовсе не были созданы беднотой для того, чтобы «снизить остроту вопроса о браке и калыме» (стр. 289).

В статье Г. А. Пугаченковой «Этнографические памятники туркменской народной архитектуры» рассматриваются жилые и культовые постройки туркмен-гокленов Кара-Калинского района, культовые постройки XVIII—XIX вв. в западной части прикопетдагской полосы и, наконец, жилые и культовые постройки Фарабского района, примыкающего территориально и связанного культурно и этнически с туркменскими районами, расположенными по Аму-Дарье, выше г. Чарджоу, архитектура которых рассмотрена в т. III Трудов ЮТАКЭ.

Статьей Г. А. Пугаченковой как бы завершается исследование поздних туркменских поселений Южного Туркменистана от западных пределов их распространения до восточных районов по средней Аму-Дарье. Приведенные в статье материалы по архитектуре гокленов Кара-Калинского района свидетельствуют о сохранении в народном зодчестве древних традиций, наблюдаемых также у соседних автохтонных племен — нохурли и мурчалы. Истоки этих традиций ведут к приемам парфянской архитектуры и вновь подтверждают этническую и культурную связь современного туркменского населения с древними обитателями долины Сумбара.

Народное зодчество туркмен Фарабского района весьма своеобразно и отличается от узбекского. По свидетельству информаторов, профессионалы-строители были из туркмен хыдыр-эли, существование среди хыдыр-элинцев специалистов-строителей отмечено и нашими материалами⁹.

Данные Г. А. Пугаченковой свидетельствуют о том, что южные туркмены имели свои прочные навыки и традиции также в строительстве культовых сооружений — мазаров, мечетей и т. д.¹⁰.

Следует заметить, что в работах В. А. Левиной и Г. А. Пугаченковой, к сожалению, не упомянуты ведущиеся с 1955 г. исследования поздних туркменских поселений в Хорезме, результаты этих исследований уже опубликованы в ряде статей. Использование приведенных там материалов, давших аналогичные результаты, усилило бы и подкрепило выводы авторов рецензируемых статей о существовании народной туркменской архитектуры и ее особенностях.

В целом статьи, опубликованные в рецензируемом томе, несомненно дают большой, хорошо обоснованный материал для правильного решения вопросов этногенеза туркменского народа и некоторых проблем истории его культуры.

Г. Васильева

⁹ Г. П. Васильева, Полевые записи Туркменского этнографического отряда Хорезмской экспедиции, № 22, 62 за 1954 г., Архив Ин-та этнографии АН СССР.

¹⁰ Наличие этих приемов зафиксировано также и в Хорезме, у гокленов, переселившихся с юга. См. Б. И. Вайнберг, Г. А. Костин, Гоклен-медресе, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXX, М., 1958.